МАТРОСЪ МОРОЗОВЪ.

Въ 1817 году, послѣ того, какъ русскій флотъ вмѣстѣ съ французскимъ и англійскимъ побѣдилъ турокъ подъ Навариномъ, защищая грековъ, надъ Греціей былъ поставленъ правителемъ русскій вельможа, изъ грековъ родомъ. Но въ Греціи пошли безпорядки и разбои; правителя убили. Въ 1832 году большая шайка бунтовщиковъ подступила подъ главный портовый городокъ Наполи–ди–Романія. Тогда русскіе съ англичанами и французами высадили отрядъ солдатъ и заняли всѣ караулы въ городѣ и въ крѣпости вмѣстѣ съ греками.

Нашъ матросъ Морозовъ стоялъ на часахъ рядомъ съ греческимъ часовымъ, на мосту. Откуда ни возьмись, бѣшеный быкъ, сорвавшійся съ бойни, летитъ вдоль улицы: глаза налились кровью, самъ реветъ, землю роетъ. Съ этакимъ быкомъ шутка плоха: на кого ни налетитъ, черезъ себя

перемахнетъ — и конецъ. Народъ передъ нимъ разсыпается въ сторону. Быкъ бѣжитъ все дальше, и прямо къ мосту. Часовой–грекъ заблаговременно спрятался подъ мостъ — и постъ свой покинулъ.

Морозовъ стоитъ, съ мѣста своего сойти не смѣетъ; и что всего досаднѣе — ружье у него заряжено пулею, да онъ стрѣлять не смѣетъ; помнитъ строгій приказъ: безъ приказанія не стрелять и беречь пулю на крайній случай. Морозовъ стоитъ сердечный, а быкъ, закрутивъ головой, заревѣлъ и прямо на него... Морозовъ перекинулъ ружье на руку и пошелъ на быка въ штыки. За смѣлаго Богъ! Только что быкъ пригнулъ голову къ землѣ, уставивъ рога на Морозова, какъ тотъ всадилъ ему штыкъ между роговъ въ самую становую жилу — и духъ вонъ.

Какъ всѣ удивились храбрецу! Сбѣжались и греки, и французы, и англичане; многіе нарочно пріѣзжали на фрегатъ, чтобы подивиться на русскаго богатыря. Государь пожаловалъ Морозову сто рублей, а изогнутый штыкъ его потомъ

хранили на память при экипажѣ; нынѣ–же онъ находится въ арсеналѣ Его Высочества Генералъ–Адмирала.